

Сергей Соколовский

Российская антропология и проблемы ее историографии

Научный статус любой области исследований непосредственно связан с ее признанием в качестве самостоятельной дисциплины в рамках университетской системы передачи знаний, с одной стороны, и с аналогичным ее утверждением и признанием в качестве самостоятельной области производства знаний в системе разделения труда в современной науке вообще, с другой. Метафора разделения труда, заимствованная науковедением из экономики, основывается на нескольких посылках — представлениях о кумулятивном характере знания и фундаментальном единстве реальности и обусловленной этими определяющими принципами уникальности как предмета, так и методов той области исследований, которая претендует на относительную автономность и самостоятельность.

Современное проблемно-ориентированное знание, как правило, плохо вписывается в жесткую институционально-дисциплинарную матрицу, что отражается в растущем уровне междисциплинарности конкретных

**Сергей Валерьевич
Соколовский**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

научных проектов. Вместе с тем упомянутая матрица — институализированное и узаконенное разделение труда в науке — предполагает и соответствующую специализацию администрирования и финансовой поддержки исследований. Иными словами, сложившаяся система дисциплин, опирающаяся на закрепленную законодательством их классификацию, в соответствии с которой осуществляются управление научными исследованиями и их финансирование, постоянно входит в противоречие с подвижными и изменчивыми конфигурациями знания в конкретных научных областях, в лучшем случае порождая гибридные дисциплины, а в худшем — существенно тормозя развитие исследований проблем, относимых к «пограничным».

Границы антропологии¹ всегда были проблематичными и условными, однако в последнюю четверть века они оказались такими, как кажется, в значительно большей степени, чем границы других социальных и гуманитарных наук и дисциплинарных комплексов — истории, социологии, психологии, философии. Фрагментация предмета изучения, многочисленные приграничные альянсы и мезальянсы с соседними научными дисциплинами способствовали распространению ощущения кризиса не только в российской антропологии, но и, например, в американской — на сегодняшний день самом крупном антропологическом сообществе в мире.

Ровно четверть века назад, в 1983 г., Американская антропологическая ассоциация подверглась коренной реорганизации. Целью этой реорганизации было отражение изменившейся конфигурации исследовательских полей, приведшее к оформлению множества специализированных «антропологий». Реорганизации привела к удвоению числа «обществ», включенных в состав этой ассоциации. Институализированная таким образом система специализаций лишь метафорически и не слишком ответственно может именоваться «системой», поскольку ее составные части — многочисленные «общества», «ассоциации», «советы» и «группы» — редко обладают всем набором признаков идеально-типической дисциплины: *отдельным предметом* с четкими границами, *особыми методами* и инструментами исследований, собственной *системой понятий* и т.п. Однако практически каждая из этих организаций-членов ААА, как правило, располагает собственным журналом, часто имеет соответствующие кафедры или специализации в университе-

---

¹ Под этим наименованием я буду иметь в виду всю совокупность антропологических дисциплин, и не только исследования физической, но и изучение культурной и языковой вариативности человечества.

тах, собственный набор междисциплинарных партнерств и, разумеется, связанные сотрудничеством и общением сети исследователей. Иными словами, здесь мы сталкиваемся со случаем глубокой институализации разделения труда, отражающим сложившуюся специализацию *исследовательских интересов*, подчеркну еще раз — спецификой *интересов*, а не уникальностью *методов* или оригинальностью *концептуализации*.

Назову для примера лишь часть этих организаций. В числе широких объединений общего характера можно назвать Американское этнологическое общество, Национальную ассоциацию антропологической практики, Общество культурной антропологии, Общество гуманистической антропологии и довольно специализированное, вопреки наименованию, Отделение общей антропологии. Сюда же примыкают остатки боасовских «четырёх исследовательских областей» — Отделение археологии, Секция биологической антропологии и Общество лингвистической антропологии.

Существует также значительное число специализированных секций, советов и обществ, отражающих те самые проблемную и предметную фрагментации антропологии, о которых я только что упомянул: Ассоциация политической и правовой антропологии, секция «Антропология и среда», группа исследователей, избравшая в качестве своего наименования «культуру и сельское хозяйство» (Culture and Agriculture), Совет по антропологии и образованию, Совет по музейной антропологии, Совет по антропологии питания, Общество медицинской антропологии, Общество психологической антропологии, Общество антропологии сознания, Общество антропологии религии, Общество антропологии труда, Общество городской, национальной и транснациональной/глобальной антропологии и Общество визуальной антропологии. Есть еще десяток ассоциаций и обществ, объединяющих специалистов по разным регионам — Ассоциация антропологов-африканистов, Антропологическая секция восточно-азиатских исследований, Секция Ближнего Востока, Общество латиноамериканской антропологии, Общество антропологии Европы, Общество антропологии Северной Америки, группы по американским индейцам и коренным жителям Аляски, по Меланезии, по культурным исследованиям посткоммунизма.

Наконец, в рамках ААА есть и ассоциации, основанные на одном из аспектов идентичности их членов, будь то цвет кожи, возраст, пол или сексуальная ориентация (Ассоциация феминистской антропологии, Ассоциация черных антропологов, Ассоциация латинских антропологов, Ассоциация пожилых антропологов, Ассоциация антропологов-геев и лесбиянок,

Национальная ассоциация студентов-антропологов и др.). Я не упомянул еще ряд многочисленных более специализированных групп, таких как группы исследователей ритуалов, старения, СПИДа, биоэтики, репродукции, здоровья, инвалидности, алкоголизма, новых заболеваний и т.д.

При всей пестроте картины и крайней фрагментации исследовательского поля даже по наименованиям ассоциаций, групп и отделений ААА и уж тем более по публикациям в соответствующих профильных журналах можно утверждать, что американские антропологи не чужаются исследований острых социальных проблем, а антропология в целом обращена к поиску решений этих проблем, возникающих в самых разных подсистемах общества — от сферы образования до экологии, медицины и социальной работы.

В России социальный заказ часто подменяется политическим: у нас охотно финансируются исследования проблем, с которыми сталкивается власть (конфликты, имиджмейкерство, политический рейтинг и т.п.), и плохо те, с которыми сталкивается народ (бедность, крах систем бесплатного образования и здравоохранения, снижение качества жизни). В результате в стране, где больше половины населения живет ниже черты бедности, экономисты предпочитают сочинять индикаторы и измерительные системы, маскирующие социальную пропасть между бедными и богатыми (примеры — ухищрения с расчетами стоимости потребительской корзины и минимального размера заработной платы), а исследователи концентрируются на сиюминутных проблемах, обусловленных этим разрывом, не делая попыток анализа глубинных причин социального кризиса. Даже при изучении движений экстремистского характера их возникновение чаще объясняют психологическими и идеологическими «отклонениями» у отдельных людей, нежели растущим уровнем депривации населения целых регионов страны. Сравнения продолжительности жизни, уровней рождаемости и показателей смертности нынешнего периода с периодом 25-летней давности можно обнаружить только в узкоспециальной литературе, настолько они не в пользу современности¹. Это весьма тревожная тенденция, свидетельствующая о том, что социальные науки, едва успев обрести возможность объективного и непредвзятого анализа, утрачивают эту возможность под давлением власти, заинтересованной в собственном позитивном имидже.

---

¹ В качестве примера: если средняя продолжительность жизни у мужчин в 1986–1987 гг. составляла 64,9 лет [Население России 1995: 102], то в 2000 г. — лишь 59 лет [Население России 2001: 92]; продолжающаяся алкоголизация населения препятствует росту продолжительности жизни мужчин, несмотря на некоторые положительные тенденции в экономике последних лет.

Разница между политическим и социальным заказами настолько тонка, что многие администраторы от науки регулярно «путают» политический заказ и социальный, тем более что такая позиция гарантирует щедрую финансовую поддержку. Институализация новых направлений исследований у нас хронически отстает от потребностей познания. Управленцы, как правило, осведомлены об этих потребностях хуже, чем сами исследователи, и уже в силу этого не склонны к постоянному и систематическому реформированию научных институтов, организации новых кафедр, исследовательских групп и отделов, адекватному финансированию новых пограничных проектов. Впрочем, прикладным исследованиям, сулящим быстрый политический капитал, если говорить о социальных науках, в этом отношении легче.

Вернемся, однако, к дисциплинарному характеру знания, метафоре дисциплинарного разделения труда и антропологии. Эта метафора предполагает, что работа по созданию правдивой картины реальности и накоплению знаний осуществляется всеми научными дисциплинами систематическим и регулярным образом, что в свою очередь зависит от междисциплинарной координации и выработки общих критериев в определении задач и оценке результатов. Помимо этого, ожидается, что результаты, добытые исследователями в разных дисциплинах, будут каким-то образом взаимно соответствовать и дополнять друг друга в производстве общей картины реальности. Такая взаимная зависимость не может не породить озабоченности стандартами производства знания в соседних дисциплинах и взаимных требований к качеству исследований. Отражает ли эта метафора, возникшая в эпоху Просвещения, сегодняшний день науки? Хорошо ли она описывает нашу практику? Действительно ли *дисциплинарное знание* кумулятивно и может непротиворечивым образом сочетаться и дополняться знанием из других дисциплин в междисциплинарном синтезе? Действительно ли всем научным дисциплинам нужны общие стандарты или, например, для гуманитарных и социальных наук они оказываются иными, чем для так называемых точных и естественных наук? Должны ли мы координировать наши усилия с соседями по научному цеху, будь они близкими или далекими? В разные периоды истории российской антропологии ее представители отвечали на эти вопросы по-разному.

История национальной традиции антропологических исследований столь же длинна и богата событиями, сколь и история иных европейских (британской, нидерландской, немецкой и французской) и американской традиций, хотя она значительно менее известна, если сравнивать число переводов или

читательскую аудиторию каждой из них. Если говорить о русскоязычной историографии, то она весьма богата, хотя практически неизвестна за пределами аудитории, читающей по-русски¹. Можно принять точку зрения, что именно языковой барьер помешал интеграции российской антропологии в историю мировой антропологической мысли, что и отражают зарубежные университетские учебники и обобщающие историографические работы, однако ей противоречат известные факты влияния работ российских лингвистов, культурологов и фольклористов (в этой связи достаточно упомянуть Р. Якобсона, М. Бахтина и В. Проппа) на развитие соответствующих областей исследований во многих странах Европы и обеих Америк.

Отсутствие отдельной главы по истории российской антропологии в англо-, франко- или немецкоязычных трудах² и наличие глав по истории британской, французской, американской и (иногда) немецкой традиций заставляет нас задуматься о вкладе российской антропологии в мировую копилку теоретической мысли. Видимо, этот вклад не столь уж велик, коль скоро он может игнорироваться при описании развития антропологического знания в мире, как, впрочем, не менее скромным он оказывается и в случаях бразильской, китайской, японской, и даже (отчасти) индийской традиций антропологических исследований, хотя импульс развития постколониальных исследований — весьма влиятельного направления современной социальной критики — пришел именно из Индии.

Доминирование американской антропологии обычно объясняют чисто социологическим фактом — огромным численным превосходством, практически десятикратным, над любым другим крупным национальным антропологическим сообществом. Однако количественные соотношения, хотя и являются

---

¹ Я не упоминаю в этом контексте множества отечественных публикаций в жанре статей и рецензий и привожу здесь лишь заведомо неполный перечень недавно опубликованных монографий: [Тумаркин 1999; 2003; Тишков, Тумаркин 2004; Соловей 1998; 2004].

² Разделы или статьи по истории российской этнографии отсутствуют в широко известной серии работ Джорджа Стокинга по истории антропологии (за исключением небольшого этюда о Н.Н. Миклухо-Маклае в связи с исследованиями Б. Малиновского [Stocking 1992]; их нет в специализированных обзорах Алана Барнарда [Barnard 2000], Томаса Эриксона и Финна Нильсена [Eriksen, Nielsen 2001] или Сайделя Сильвермана [Silverman 1981]. В книге под редакцией Хенрики Куклик, озаглавленной «Новая история антропологии», есть раздел о российской этнографии, однако он касается лишь узкой темы и короткого периода конца XIX в. [Ssorin-Chaikov 2007]. Раздел «Основные традиции» этого сборника состоит из четырех очерков — истории североамериканской (Regna Darnell), британской (Henrika Kuklick), немецкоязычной (H. Glenn Penny) и французской (Emmanuelle Sibeud) традиций. Единственным известным мне исключением в зарубежной историографии антропологии является специальный выпуск журнала *Dialectical Anthropology* 1985 г., посвятивший, помимо анализа развития французской, британской и немецкой антропологических традиций, специальную статью о советской традиции, симпатично озаглавленную «Неизвестная традиция» [Plotkin, Howe 1985].

существенными, отражают лишь общественный успех дисциплины, мало объясняя его причины. На отсутствие прямой причинной связи между численностью профессионального сообщества и его влиянием в мире указывает, например, и такой факт, что британских и бразильских антропологов приблизительно поровну, однако британская традиция, даже если отбросить ее историю и брать в расчет лишь нынешнее поколение, значительно более известна и влиятельна. Долгосрочному успеху дисциплины способствует не столько рост числа ее членов (это, скорее, следствие ее успеха), сколько сознательная работа над формированием ее привлекательного образа и общественным признанием, способствующая созданию новых рабочих мест; ориентация на выполнение социального заказа, повышающая ее социальную значимость и востребованность, и, наконец, наличие теоретических инноваций, конкретного вклада в мировую теоретическую копилку.

В нашем случае можно констатировать отсутствие целенаправленной, систематической и сознательной работы над образом дисциплины и созданием новых рабочих мест и областей приложения труда для антропологов. Большинство россиян плохо осведомлены о том, чем занимаются этнографы или антропологи, а если и что-то знают об этом, то не считают их деятельность жизненно необходимой или социально полезной¹. В США каждый крупный госпиталь и учреждение социальной работы имеет штатных антропологов, а в российском обществе, где уровень культурной мозаичности вполне сопоставим с американским, такие задачи профессиональным сообществом даже не ставятся². При изложении истории антропологии как истории сменяющих друг друга теорий и парадигм имена российских исследователей обычно не появляются вовсе. Эволюционисты, диффузионисты, функционалисты, основатели структурного функционализма, структурализма и постструктурализма имели в своих рядах наших соотечественников, но не настолько ярких, чтобы их вклад был замечен в иных национальных сообществах или отме-

¹ См. об этом подробнее результаты опроса в: [Соколовский 2005].

² Разумеется, и здесь есть некоторые исключения, среди которых следует упомянуть кафедру социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, созданную в 1998 г. и успешно внедряющую антропологическое знание в социальную работу. Такие исключения, оставаясь именно исключениями, не способны коренным образом изменить общей ситуации в области использования антропологических знаний, и профессиональная антропология в России остается по-прежнему замкнутой в стенах университетов, академических институтов и музеев. Медицинская антропология, наиболее бурно и успешно развивающаяся область в прикладной антропологии США, в России находится в зачаточном состоянии и пока не выходит даже в своей исследовательской программе за рамки традиционной этнографической проблематики (изучение народного целительства). Более подробно ситуация с подготовкой кадров антропологов в стране будет рассмотрена ниже.

чен особо в историографии этих направлений. Что уже совсем странно: даже история марксизма в антропологии обходится без их имен. При этом я веду речь не только об англо-, франко- и немецкоязычных историко-антропологических обзорах, но и о ряде читаемых сегодня отечественных курсов по истории антропологии¹. Почему так произошло — иной вопрос, без сомнения заслуживающий обсуждения.

Российская антропология, как и ее западные аналоги, формировалась как комплекс наук о человеке и на отдельных этапах своего развития включала в свой объем помимо этнографии также археологию и физическую антропологию (т.н. «анучинская триада»). Существовали периоды в ее истории, когда она (или отдельные субдисциплины в ее границах) рассматривалась как часть географии (например, в 1920-х гг., когда отделение этнологии существовало в рамках Географического института Петроградского университета), истории (практически весь советский период), а сегодня, в особенности в случае кафедр социальной антропологии, еще и социологии. Между тем история дисциплины у нас практически всегда изображалась как история автономная, как развитие ее внутренних импульсов, в то время как, с моей точки зрения, следовало бы писать эту историю как развитие под воздействием импульсов внешних, как историю, обусловленную контекстом (хотя исключения все же были, но о них — ниже).

Вплоть до начала 1930-х гг. российская этнография, сохраняя живые связи с ведущими антропологами всего мира, развивалась в русле общих идей, доминирующих в начинавшей складываться уже тогда мировой антропологической мысли. Последовавшие затем самоизоляция и довольно длительный период насаждения догматического марксизма создали тот разрыв, при котором развитие этой традиции на Западе стало интересовать лишь советологов, специалистов по региону, читающих работы советских этнографов уже только ради материала, а не в поисках оригинальных концептуализаций (типичный пример — работа А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Кельеже об исламе в СССР [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau 1967])².

---

¹ В качестве иллюстрации приведу перечень имен из вводного курса, читаемого студентам факультета этнологии в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В перечне ведущих представителей главных научных школ названы следующие имена: «Морган, Тайлор, Спенсер, Дюркгейм, Вебер, Боас, Кребер, Малиновский, Рэдклиф-Браун, Мосс, Мид, Леви-Строс, Тернер, Стюард, Гирц, Мердок, Харрис, Салинз и другие» [Европейский университет в Санкт-Петербурге 2006: 26].

² Исключением можно считать изданную небольшим тиражом и известную только специалистам двухтомную работу Стивена и Этель Данн «Введение в советскую этнографию», изданную в Беркли в 1974 г. [Dunn, Dunn 1974].

Лишь стимулирование научных исследований при Н.С. Хрущеве стало объективно работать на устранение этого разрыва и одной из его основных причин — информационного голода; библиотеки стали вновь пополняться свежими работами зарубежных антропологов, хотя идеология по-прежнему препятствовала установлению полноценного диалога. Такая информационная политика привела к росту осведомленности о происходящем в зарубежной антропологии. Мейер Фортес, например, с удивлением отмечал осведомленность советских коллег о состоянии антропологических исследований на Западе, контрастирующую с весьма слабой осведомленностью их *vis-à-vis* о состоянии советской этнографии того времени [Fortes 1980: XIX]. К этому моменту, несмотря на массовые заимствования (главным образом из американской социологии и антропологии), советская этнография уже обрела собственный путь и привилегированный объект исследований — этнос. Теперь, по прошествии времени, начинает казаться, что выбор этого пути не слишком большая удача, но тогда он представлялся обретением самостоятельной большой теории, позволявшей наполнить слово «этнография» новым смыслом. Теория этноса надолго стала символом советской этнографии и, по-видимому, останется в истории как символ этого периода в развитии отечественных антропологических исследований.

Этот выбор, без сомнения, повлиял на стратегию междисциплинарного сотрудничества и оказал влияние на то, каким образом оформлялись новые области исследований, что, однако, практически не отражено в отечественной историографии науки. Ограничение предметного поля дисциплины этническим и примордиалистская трактовка этнических феноменов — тот самый недостаток, который столь бросается в глаза и вызывает недоумение у наших западных коллег¹ — были обусловлены, на мой взгляд, двумя обстоятельствами, определяющим из которых была институциональная особенность, редко упоминаемая либо вообще отсутствующая в историографии дисциплины.

Первое обстоятельство было связано с марксистской установкой на изучение реальности, приведшей в условиях официального марксизма, исповедуемого почти как религиозная догма, к девальвации всего субъективного, индивидуального, частного и подчеркиванию и выпячиванию (вопреки реальности!) «объективного», «независимого от наблюдения», «всеобщего». Общенаучная установка на поиск закономерностей в этой дог-

¹ Ср. комментарий Кэтрин Вердери к статье В.А. Тишкова [Verdery 1992: 393].

матической атмосфере привела к тому, что теории и концепции, являющиеся по всем критериям (даже марксистским) *социальными представлениями*, ограниченными социальным контекстом и исторически преходящими взглядами, стали выдаваться за объективное отражение реальности, ее точное воспроизводство в соответствующих понятийных системах. Момент субъективного из них устранился, часто за счет чисто риторических и стилистических приемов. Так, в отечественных публикациях возник сухой стиль научного отчета и статьи, откуда вытравливались все эмоции; беспристрастность этого стиля должна была заменить и миметически воспроизвести саму нейтральную и независимую от наблюдателя реальность. Девальвация субъективного сослужила плохую службу в социальных науках, где практически вся изучаемая область реальности творится именно субъектами — субъектами социального действия. Их *представления*, пропущенные через фильтр объективирующего стиля научных наблюдений и описаний, превращались в сами *вещи*; социальные представления в этой перспективе уже не отличались от вещей. Именно благодаря такой оптике классификационные по своей природе представления о языках и культурах натурализовались и были объединены в репрезентацию этносов как социальных тел, существующих не только в представлениях, научных и бытовых, но и в физической реальности, данной нам, если воспользоваться клише, в наших ощущениях. Возражение, что в наших ощущениях нам даны лишь конкретные люди, а их самоотнесение к разным социальным категориям — это уже мир социальных представлений, нередко затем воплощающийся в различные социальные институты и практики и превращающийся в социальную реальность, в том контексте даже не возникало, настолько сильна была магия установки на описание «объективной реальности».

Однако это первое обстоятельство не является, на мой взгляд, решающим в становлении и распространении академического примордиализма во взглядах на этнические феномены. Решающим обстоятельством стало отсутствие открытой, свободной и конструктивной научной критики, отсутствие, институционально воплощенное в ритуалах и практиках академической науки, в негласных правилах и условиях карьерного продвижения, в ограниченности и маломощности площадок и условий, в которых она могла появляться, в ее нерегулярности и, наконец, в сложившемся в этих условиях отношении к критике, а именно систематическом принижении ее научной и социальной значимости. Институциональная невозможность такой критики не могла не вести к умозрительно-сти академических конструкций и размежеванию между «тео-

ретизирующим начальством» и чурающимися этой схоластики исследователями-практиками. Стоит ли удивляться тому, что все революции в России происходили «сверху», если единственным возможным, одобряемым и гарантированным каналом критики была критика начальственная, то есть критика сверху. Подавление конструктивной критики блокирует обратную связь от возможных потребителей (пользователей, разработчиков) теории к ее автору, от народа — к власти, от общества — к управленцам. В этом и кроется основа системного кризиса и российской науки, и российской власти, и российского общества. В контексте академической науки отсутствие такой критики означало размывание критериев качества, возможность произвольного администрирования при решении научных проблем, общее падение стандартов научного поиска. Неприятие критики породило и особые историографические жанры.

Историографии научных дисциплин и областей исследования известно множество различных модусов изложения. Общий недостаток всех историографий антропологии, уже неоднократно отмеченный многими историками этой дисциплины, — их презентизм, т.е. изложение событий с идеологических и политических позиций сегодняшнего дня. Российская историография имеет и еще один минус — известную «парадность» в изложении биографий конкретных лиц и институтов, что отмечалось нашими западными коллегами (ср., например, замечания Дж. Стокинга о советских биографиях Н.Н. Миклухо-Маклая [Stocking 1992: 220]). Не будет преувеличением считать, что в историографии дисциплины, начиная с послевоенного периода и до сегодняшнего дня, преобладают два жанра: в качестве биографического — *парадный портрет*, а в качестве историографического — *победная реляция* (неизбежное подчеркивание успехов в очерках общей истории дисциплины или области исследований, конкретного научного учреждения и т.п., находящееся в полном несоответствии с конкретным уровнем ее влияния на мировую антропологию). Критическая рефлексия остается жанром редким и маргинальным.

Среди почти неиспользуемых модусов изложения истории отечественной антропологии/этнографии — история идей. Существует множество работ в жанре биографии, истории академических институтов и университетских кафедр, есть попытки периодизации на основе событийной истории, но история идей с присущим ей вниманием к механизмам смены доминирующих парадигм и дискуссионных фокусов остается ненаписанной. Впрочем, если верить замечанию Эриксона и Нильсо-

на о том, что история антропологии XX в. определялась развитием идей в трех языковых зонах — немецкой (до Второй мировой войны), английской и французской, определивших «мейн-стрим методологического и теоретического развития дисциплины» [Eriksen, Nielsen 2001: 160], то на долю всех остальных национальных традиций действительно остается лишь жанр локальной истории дисциплины и ее институционального оформления.

Некоторые периоды развития и отдельные сюжеты из истории российской этнографии/этнологии/антропологии, впрочем, все же нашли свое отражение в ряде публикаций наших коллег из Великобритании, Германии, Нидерландов, США, Франции, Чехии и Японии. В отличие от отечественной историографии, преобладающие жанры которой были охарактеризованы выше, наши коллеги за рубежом значительно чаще использовали критику и отчетливо видели зависимость дисциплины от политических факторов. Впрочем, их историографические исследования касаются по преимуществу ранних этапов становления российской и советской этнографии, а вся послевоенная история дисциплины пока не стала предметом для монографических исследований, хотя многие ее сюжеты отражены в ряде статей. В относительно недавнем прошлом благодаря открытию российских архивов для западных исследователей появилось несколько диссертационных исследований и монографий, посвященных этим этапам в развитии дисциплины¹.

Проблемам диалога между советскими, а затем российскими этнографами и их западными коллегами были посвящены совместные конференции в Бурге Вартенштайне (Австрия) и Париже. Представленные на них доклады были опубликованы соответственно в сборнике под редакцией Эрнеста Геллнера [Gellner 1980] и в специальном выпуске *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* 1990 г. [Chichlo 1990; Khazanov 1990; Longuet-Marx 1990; Plotkin 1990; Shimkin 1990; Skalník 1990; Sorlin

---

¹ В частности, диссертация Натаниэла Найта [Knight 1994], опубликованные диссертационные исследования Фрэнсин Хёрш [Hirsch 2005] и Фредерика Бертрана ([Bertrand 2002]; см. также [Bertrand 2006]). Специальные разделы о роли отечественной этнографии в национальной политике содержат монографии Тамары Драгадзе [Dragadze 1984], Юрия Слезкина ([1994a]; см. также [Slezkine 1992; 1994b; 1994c]), Майкла Бэнкса [Banks 1996], Терри Мартина [Martin 2001], Роберта Джераси [Geraci 2001] и Жюльетт Кадью [Cadiot 2007]. Отдельные сюжеты из истории российской этнографии имперского периода отражены в историографических статьях Марка Бассина, Владимира Береловича, Томаса Примака, Юрия Слезкина и Кэтрин Клэй [Bassin 1983; Berelowitch 1990; Pymak 1991; Slezkine 1994c; Clay 1993; 1995]. Причины кризиса советской этнографии 1920–1930-х гг. исследованы на архивных материалах в работах Ю. Слезкина, Н. Найта и Ф. Бертрана [Slezkine 1991; Bertrand 2003; Knight 2000].

1990]. Этим же проблемам были посвящены дискуссии в журнале *Current Anthropology* по статьям В.А. Тишкова в 1992 и 1998 гг. [Tishkov 1992; 1998]. Отдельные сюжеты из других периодов истории советской и постсоветской этнографии/антропологии затрагивались в ряде публикаций тех наших коллег за рубежом, которые в основном специализировались на исследованиях в Советском Союзе/России или в Восточной Европе¹.

Институализация новых областей исследования в пределах самой антропологии имела в России свои особенности. Способы оформления таких областей в самостоятельные дисциплины исследуются в науковедении, но скорее в качестве теоретических моделей дифференциации и интеграции систем знания, нежели в конкретно-историческом аспекте. Если же рассматривать конкретные случаи, то их можно условно разделить на два, на мой взгляд, довольно существенно различающихся класса.

Первый класс охватывает случаи появления новых исследовательских областей на основе открытия принципиально новых объектов (что ведет к развитию новых методов их изучения) или разработки новых методов, часто приводящих к обнаружению новых объектов. Классическим примером за рамками собственно антропологии здесь может служить появление микроскопа и телескопа. Как правило, появление новых объектов или методов приводит к конституированию нового предмета и последующему разграничению с сопредельными областями и предметами соседних дисциплин. Этот способ оформления новых дисциплин можно условно назвать *знаниевым* или *инструментальным*, а также *внутренним*, поскольку причины возникновения новой области исследований и ее последующей институализации в качестве отдельной и самостоятельной научной дисциплины в этом случае обнаруживаются в самой логике развития теоретического знания или в росте технической вооруженности исследований.

Второй класс конкретных случаев возникновения таких областей или способ их оформления в самостоятельные дисциплины я, за неумением найти лучшего, условно назову *мотивированным извне, контекстными* или *внешним*, поскольку основные причины оформления и институализации самостоятельных

¹ См., например: [Black 1990; Chichlo 1984; 1985; Dragadze 1975; 1978a; 1978b; 1980a, 1980b; 1984; 1987; 1990; 1995; Dunn 1975; Durand 1995; Gellner 1975; 1980; 1988; Genty 1977; Gray, Vakhtin, Schweitzer 2003; Howe 1976; Humphrey 1984; Khazanov 1992; 1995; Olcott 1995; Plotkin, Howe 1985; Popkin 1992; Rethmann 1997; Rogers 2006; Shimkin 1982; Schott 1960; Skaln k 1981; 1986; 1988; 2001; 2002; 1996; Takakura 2006; Van Meurs 2000; Vitebsky 1989; Vucinič 1965].

направлений исследования здесь лежат не в особенностях динамики развивающегося знания или растущих методических возможностях исследователей и их технической вооруженности, а в социальном, политическом, идеологическом *контекстах* исследований, влияющих на мотивацию ученых и определяющих конфигурации их коллективного взаимодействия. Так возникают и институализируются *сообщества интересов* — группы единомышленников, школы и направления исследований, чья специфика определяется не особыми объектами, методами или предметом, но исследовательскими предпочтениями, симпатиями, политическими позициями, стратегиями идентичности и прочими социальными и политическими факторами, плохо поддающимися учету и наблюдению и потому до сих пор не привлекавшими особого внимания в науковедении и истории науки.

В истории антропологии легко обнаружить примеры обоих способов оформления новых направлений и областей исследования. История институализации, например, визуальной антропологии (если вести речь о ее возникновении как нового направления в принципе, а не в конкретном случае России, где она была заимствована и оформлялась вторично как «сообщество по интересам») может быть отнесена к первому классу, поскольку ее специфика с самого начала была связана с появлением *новых технических средств* наблюдения и фиксации изображения (фото-, кино- и видеоаппаратуры), т.е. с развитием *методов* и методологии наблюдения¹. В любом случае здесь новая техника дала новый метод и позволила сконструировать новую предметную область, вычленив и абстрагировав *визуальное* из целостного опыта, лежащего в основе методологического требования всех антропологических исследований после У. Риверса и Б. Малиновского — «быть там», т.е. физически посещать «поле».

---

¹ В этом конкретном случае было бы интересно рассмотреть взаимосвязь «натурального»/«натуралистского» полевого наблюдения в рождавшейся антропологии XIX–XX вв. (характеристика первых полевых антропологических исследований, подмеченная Хенрикой Куклик, и судьба этого взгляда первых натуралистов, наблюдавших «дикарей в природе» в рамках исследовательского проекта собственно визуальной антропологии). Куклик ярко демонстрирует, что «открытие» антропологами полевой работы следует рассматривать в контексте более общих трансформаций практик всех натуралистов конца XIX — начала XX в. Подобно другим «полевым наукам» (зоологии, ботанике и геологии), антропология обнаружила как свой отличительный объект, так и отличительный метод в «детальном изучение ограниченных областей» [Kuklick 1991]. Происхождение антропологии как естественной науки о раннем человеке, следовательно, тесно связано с полевой работой в качестве доминирующей дисциплинарной практики. Заниматься полевой работой было поначалу тем же, что и выполнять исследования в одной из областей естественной истории; исследовательским объектом, который следовало изучать интенсивно и на ограниченной территории, было «примитивное человечество» в его «естественном состоянии».

Примерами институционализации на основе размежевания по преимущественно используемым методам и избираемым объектам или разделения предметных полей могут служить уже упомянутые ранее четыре боасовские дисциплины в рамках антропологии: культурная антропология, археология, биологическая или физическая антропология и лингвистическая антропология, а случае России уже упомянутая анучинская триада: антропология, этнография, археология.

Специфика самого предмета или уникальность и автономность объектов не могут служить надежными ориентирами при разграничении интересующих нас способов оформления новых направлений. Если политическую и юридическую антропологию (как, впрочем, психологическую и медицинскую) можно с высокой степенью уверенности относить к первому классу — к дисциплинам, чье возникновение обязано внутренней динамике развития антропологического знания (его дифференциации) и чей методологический инструментарий в силу специфики объектов и пограничного характера самих этих областей исследования обретает известное своеобразие и отличительность, то, например, такие специализации, как антропология питания, антропология сознания, антропология труда и даже антропология религии, возникли скорее как ответ на стимулы извне, из междисциплинарного академического, социального и политического контекстов. Как это часто бывает с анализом и выявлением определяющих причин и существенных факторов, лишь внимательное изучение каждого конкретного случая позволяет разграничивать и различать области исследований, возникшие на основе внутренней динамики развития теоретических концепций и методологического инструментария — от областей и подходов, оформившихся в ответ на социальный или политический заказ, моду, подражание другим, заимствование и т.п., т.е. возникших в результате влияния внешних, контекстуальных или контингентных, а не имманентных развитию локальной традиции стимулов и мотивов.

Собственно прикладной характер той или иной области также не может служить надежным индикатором для различения названных модусов возникновения новых направлений, поскольку нередко определяется как внутренними факторами развития знания, так и обстоятельствами, вообще не имеющими отношения к науке. Примером может служить региональная специализация в антропологии, которая носит, по моему мнению, внешний характер и скорее продиктована геополитикой, чем вытекает из закономерностей членения предмета и особенностей собственно антропологических классифика-

ций. Специализации типа «африканист» или «американист» относятся именно к этому типу, поскольку (с точки зрения пространственного распределения культурных характеристик их исконного или нынешнего населения) обосновать границы этих макрорегионов практически невозможно. Они заданы внешним для антропологии образом: колониальной историей, геополитикой, экономикой.

Рассмотрение способов оформления и институционализации новых областей исследования может стать удобным и продуктивным способом анализа конкретных историй институционализации новых исследовательских полей в рамках новейшей истории российской антропологии.

В контексте такого рассмотрения необходимо прежде всего отметить, что характер развития российской этнографии/этнологии¹ во все ее периоды, за довольно редкими и короткими промежутками (которые, следуя за Томасом Куном, можно было бы назвать периодами «нормального развития») определялся факторами и силами, находившимися либо вне институциональных рамок самой дисциплины, либо за рамками национальной традиции. Обе эти группы факторов я уже назвал выше «внешними», «контекстными» или «контингентными». Под факторами, находящимися за рамками национальных границ, но в рамках дисциплины (если иметь в виду ее глобальное измерение — антропологию в целом, или мировую антропологию), я имею в виду заимствования, довольно обширные во все периоды развития советской и новой российской антропологии. Примеров здесь можно привести множество: от попыток, довольно успешных, пересадки в отечественную этнографию Марксовской теории базиса и надстройки, до теории этнических процессов, в значительной мере копирующей американские исследования ассимиляции и аккультурации, и от теории пережитков до увлечения конструктивистскими концепциями этничности.

Изобилие заимствований во все времена существования дисциплины, но в особенности в периоды изоляции, указывает не столько на вторичный и внешний характер событий в российской антропологии, сколько на нерешенные проблемы с управлением наукой в стране, что в особенности справедливо в случае социальных наук. Сегодня, например, нормальной профессионализации молодых антропологов препятствует слабое знакомство с мировой антропологической литера-

---

¹ Развитие отечественной физической антропологии подчинялось иным закономерностям, в частности, определялось бурным ростом новых методов и объектов (см. подробнее: [Алексеев 1987]).

турой, в особенности с ее новинками, которые практически не достигают российских библиотек. Если ограниченность информации в период 1930–1950-х гг. объяснялась войной и идеологическим противостоянием, то чем объяснить сегодняшнее, тянущееся уже почти двадцатилетие положение с комплектованием российских библиотек профессиональными изданиями?

Любопытно отметить, что интересные дипломные и кандидатские работы появляются сейчас там, где администрация университета позаботилась об обеспечении доступа к электронным базам журнальных статей ведущих издательств мира (например, в Европейском университете в СПб и Высшей школе экономики). Многие институты РАН, в особенности физико-химические и биологические, имеют этот доступ, а вот ИЭА РАН до сих пор его лишен. При постоянно растущих ценах на отечественные научные журналы отсутствие электронного доступа фактически означает новую самоизоляцию и сокращение читательской аудитории. Это, в свою очередь, прямая дорога к стагнации.

В заключение приведу краткую справку о преподавании антропологических дисциплин в российских вузах. Для удобства читателей все сведения о кафедрах антропологии, этнологии и этнографии сведены в таблицу. Из нее становится очевидным, насколько по-разному в разных университетских центрах понимается сегодня содержание социальной и культурной антропологии и сколь резко это понимание в целом отличается от того, которое доминирует в современной западной социально-культурной антропологии. В образовательном стандарте ВАК мы также обнаружим эклектичное сочетание философской антропологии, истории культуры и этнографии, сдобренное этнопсихологическими конструктами вековой и полувековой давности («национальный характер», «менталитет», «архетипы культуры» и т.п.).

Поскольку речь идет о подготовке следующих поколений исследователей, прогноз состояния дисциплины в стране будет оставаться неутешительным, если не принять срочных мер. Первоочередными должны стать следующие: 1) комплектация научных библиотек современной антропологической литературой, включая онлайн-доступ к ведущим международным антропологическим журналам и базам данных; 2) приведение стандартов обучения к европейским; 3) создание условий для конструктивной научной критики; 4) пропаганда антропологических знаний и целенаправленная работа по созданию позитивного образа дисциплины.

Таблица

Антропологические дисциплины в российских университетах

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
МГУ (Москва)	биол.	физической антропологии	1919	общая антропология, антропогенез, этническая антропология, морфология человека, популяционная генетика, эволюционная антропология, медицинская и экологическая антропология, этология	биолог, антрополог	биология, антропология, генетика
	истор. социол.	этнологии социологии культуры и социальной антропологии	1939 ?	лаб. этносоциологии (1988); Центр прикладной этнологии (1995); лаб. визуальной антропологии	историк, этнолог, социолог	этнология и этнография
	географ.	этнографии и географии	1884-1919	региональные исследования	археолог, историк, этнограф	
Алтайский ГУ (Барнаул)	истор.	археологии, этнографии и источниковедения	1988			

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ)		этнологии	?	региональные исследования		этнология, антропология
Горноалтайский ГУ	истор.	археологии, этнологии и историкоисследования	?	региональные исследования	археолог, историк, этнолог	
Дагестанский ГУ (Махачкала)	истор.	археологии и этнологии	2002	региональные исследования	археолог, историк, этнолог	
Дальневост. ГУ (Владивосток)	Владивостокский институт междуродных отношений АТР Институт психологии и социальных наук	социальной и политической антропологии социальной антропологии	1998 2000	анализ полит. ситуации в регионе; сравнительный анализ политических систем	социальный антрополог	-

Продолжение таблицы

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
Дальневост. тех. ун-т (Владивосток)	культурной антропологии	социальной антропологии	1999	городская антропология; этнокультурные процессы на Дальнем Востоке	социальная антропология и культурология	-
Европейский ун-т в Санкт-Петербурге	этнолог.	факультет этнологии	1994	социальная и культурная антропология, фольклористика, социоллингвистика и семиотика; программы 'Ethnic studies' и тренинг этнической толерантности; Центр полевых исследований; постоянная фольклорно-этнографическая экспедиция (Русский Север)		культурная антропология; фольклористика; социоллингвистика
Иркутский ГУ	истор.	археологии, этнологии и истории древнего мира	1988	лаб. археологии и этнографии (1970)	археолог, историк, этнолог	

Казанский ГУ	истор.	этнографии и археологии	?	этнография и древняя история народов Поволжья и Приуралья; этническая археология Среднего Поволжья		
Кубанский ГУ	истор., социолог., и междунаrodn. отношений	археологии, этнологии, древней и средневековой истории				
Московск. городской психолого-пед. ун-т	социальной психологии	этнопсихологии и проблем поликультурного образования	2003	межнациональные отношения; профилактика экстремизма и агрессии	психолог	
Новосибирский ГУ	гуманитарн.	археологии и этнографии	1992			
Новосибир. ГГУ	гуманитарн. образования	социальной работы	?		социальный антрополог	
Омский ГУ	истор.	этнографии и музееведения (прежде «этнографии, историографии и источниковедения»)	1985	этноархеология; аудиовизуальная антропология; этнология народов Зап. и Южн. Сибири Лаборатория этнографии и истории немцев Сибири; группа этноархеологии	социальный антрополог (с 2004 г.); этнолог; музеевед	этнография, этнология и антропология

Продолжение таблицы

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
РГГУ (Москва)		Учебно-научный центр по социальной антропологии Институт культурной антропологии (1997–2000)	2000	политическая и юридическая антропология; визуальная антропология; культурно-историческая психология; эволюционная антропология; этология человека	социальный антрополог	теория и история культуры (на кафедре культурологии)
Российск. гос. социальный ун-т (РГСУ, Москва)	социальной работы, педагогики и ювенологии	социальной антропологии	?			
Российск. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма		культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций	1994	интегративная антропология телесная культура	прикладная культурология	культурология
Саратовский ГУ		археологии и этнографии	2005	этнокультурная история и историческая антропология		

Сергей Соколовский. Российская антропология и проблемы ее историографии

Саратовский ГТУ	управления социальными системами	социальной антропологии и социальной работы	1993/ 1998	социальная антропология (антропология организаций, медицинская, возрастная, экономическая; исследования молодежных субкультур, социальной адаптации и т.п.), визуальная антропология	социальный антрополог и социальный работник	социология
СПбГУ	истор.	этнографии и антропологии	1968	историческая этнография и культуры населения Северо- Запада		социальная антрополо- гия
Петроградский ун-т СПбГУ	социол. Респ. гос. гумани- тарн. ин-т истор.	культурной антропологии и этнической социологии социальной антропологии и психологии археологии и этнографии	1992 ? 1949-52	политическая антропология исследования межкультурной коммуникации, антропология и социология миграции антропология гендера и родства, города, организации и управления, глобализации		
	филологии геогр. ин-т физ.-мат.	отд-ние этнографии этнограф. отде- ние этнографии и гео- графии	1938-44 1918 1887			

Продолжение таблицы

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
Ставропольский ГУ	общеуниверситетская	социальной философии и этнологии	1997	этнических проблем и этнических конфликтов; моделирование динамики этнических и этнополитических процессов в постсоветском пространстве на примере Северо-Кавказского региона		
Сыктывкарский ГУ	истор.	археологии, источниковедения и этнографии	?	этноархеология; региональные исследования		
Читинский ГУ	?	социальной и культурной антропологии	2000		антрополог, культуролог	религиоведение, фило-софская антропология

Удмуртский ГУ (Ижевск)	истор.	кафедра этнологии и регионоведения научно-иссле-дова- тельский институт истории и культуры финно-угорских народов Приуралья	?	этнология, региональные исследования		
Уральский ГУ (Екатеринбург)	истор.	археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин	1990	этнокультурная история Урала		
Уральский ГТУ (Екатеринбург)	?	социальной антропологии и психологии	2001		социальная работа и связи с обществен- ностью	
Хакасский ГУ		археологии, этнографии и исторического краеведения				

Окончание таблицы

Университет	Факультет	Кафедра	Дата основания	Исследовательские направления и центры	Профессии	Аспирантура (специальности)
Челябинский ГУ	истор.	археологии, этнографии и социально-этнополитологии и социально-политических процессов субъектов РФ	1997 2000	история и культура народов Южного Урала конфессиональный фактор в российской политике; РПЦ и неправославные конфессии в политической истории России	этнология этнополитология, политическая антропология	
Чувашский ГУ	истор.	археологии, этнографии и региональной истории	1990	история и этнография народов Волго-Камья; традиционная культура народов Чувашии, история религий Среднего Поволжья		этнография, этнология и антропология

Библиография

- Алексеев В.П.* Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований // Советская этнография. 1987. № 5. С. 17–30.
- Европейский университет в Санкт-Петербурге. Факультет этнологии. СПб., 2006.
- Население России 1994: Второй ежегодный демографический доклад. М., 1995.
- Население России 2000: Восьмой ежегодный демографический доклад. М., 2001.
- Соколовский С.В.* За стенами академии: антропология и общество в России // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 14–17.
- Соловей Т.Д.* История отечественной этнологии первой трети XX века: от «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998.
- Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004.
- Тумаркин Д.Д.* (ред.) Репрессированные этнографы. М., 1999. Т. 1.
- Тумаркин Д.Д.* (ред.) Репрессированные этнографы. М., 2003. Т. 2.
- Тишков В.А., Тумаркин Д.Д.* (ред.) Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.
- Banks M.* Ethnicity: Anthropological Constructions. L.; N.Y., 1996 (раздел о советской теории этноса: P. 17–23).
- Barnard A.* History and Theory in Anthropology. Cambridge, 2000.
- Bassin M.* The Russian Geographical Society, the Amur Epoch and the Great Siberian Expedition, 1855–63 // Annals of the Association of American Geographers. 1983. Vol. 73. № 2. P. 240–256.
- Bennigsen A., Lemercier-Quellejray C.* Islam in the Soviet Union. L., 1967.
- Berelowitch W.* Aux origines de l'Ethnographie russe: la Société de Géographie dans les années 1840–1850 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1990. Vol. XXXI. №2–3. P. 265–273.
- Bertrand F.* L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'un rupture. Bordeaux, 2002.
- Bertrand F.* Une science sans objet? L'Ethnographie soviétique des années 20–30 et les enjeux de la categorisation ethnique // Cahiers du Monde Russe. 2003. Vol. 44. № 1. Janvier-mars. P. 93–110.
- Bertrand F.* Le temps des autres et le temps des siens: l'anthropologie soviétique et post-soviétique dans ses rapports problématiques à la temporalité // Slavica occitania. Toulouse, 2006. Vol. 22. P. 515–522.
- Black L.T.* Soviet Anthropology and the Ethnography of Alaska // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 327–332.
- Cadiot J.* Le Laboratoire imperial: Russie—URSS 1860–1940. P., 2007.
- Chichlo B.* L'Ethnographie soviétique est-elle une anthropologie? // B. Rupp-Eisenreich (ed.) Histoire de l'Anthropologie: XVIe–XIXe siècles. P., 1984. P. 247–258.

- Chichlo B.* Trente années d'anthropologie (etnografia) soviétique // Revue des Etudes slaves. 1985. Vol. 57. № 2. P. 309–324.
- Chichlo B.* L'Anthropologie soviétique à l'heure de la perestrojka // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1990. Vol. 31. № 2–3. P. 223–232.
- Clay C.B.* From Savage Ukrainian Steppe to Quiet Russian Field: Ukrainian Ethnographers and Imperial Russia // Krawchenko B. (ed.) Ukrainian Past, Ukrainian Present. N.Y., 1993.
- Clay C.B.* Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862 // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 1. P. 45–61.
- Dragadze T.* Comments on Ernest Gellner's «The Soviet and the Savage» // Current Anthropology. 1975. Vol. 16. № 4. P. 604.
- Dragadze T.* A Meeting of Minds: A Soviet and Western Dialogue // Current Anthropology. 1978a. Vol. 19. № 1. P. 119–128.
- Dragadze T.* Anthropological Fieldwork in the USSR // Journal of the Anthropological Society of Oxford. 1978b. P. 45–61.
- Dragadze T.* The Place of «Ethnos» Theory in Soviet Anthropology // Gellner E. (ed.) Soviet and Western Anthropology. L., 1980a. P. 161–170.
- Dragadze T.* Comment on Soviet Anthropology // Royal Anthropological Institute Newsletter. 1980b. June. P. 3–4.
- Dragadze T.* (ed.) Kinship and Marriage in the Soviet Union. L., 1984.
- Dragadze T.* Fieldwork at Home: the USSR // Jackson A. (ed.) Anthropology at Home. L.; N.Y., 1987. P. 155–163.
- Dragadze T.* Some Changes in Perspectives on Ethnicity Theory in the 1980s // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 205–212.
- Dragadze T.* Politics and Anthropology in Russia // Anthropology Today. 1995. August. Vol. 11. № 4. P. 1–3.
- Dunn S.P.* New Departures in Soviet Theory and Practice of Ethnicity // Dialectical Anthropology. 1975. № 1. P. 61–70.
- Dunn S.P., Dunn E.* Introduction to Soviet Ethnography (2 Vols.). Berkeley, 1974.
- Durand J.-Y.* «Traditional Culture» and «Folk Knowledge»: Whither the Dialogue Between Western and Post-Soviet Anthropology? // Current Anthropology. 1995. Vol. 36. № 2. P. 326–330.
- Eriksen T.Y., Nielsen F.S.* A History of Anthropology. L. etc., 2001.
- Fortes M.* Introduction // Gellner E. (ed.) Soviet and Western Anthropology. N.Y., 1980. P. XIX–XXV.
- Gellner E.* The Soviet and the Savage // Current Anthropology. 1975. Vol. 10. № 4. P. 595–617.
- Gellner E.* State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988.
- Gellner E.* (ed.) Soviet and Western Anthropology. N.Y., 1980.
- Genty C.* Entre l'Histoire et le myth: E.D. Polivanov (1891–1938) // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1977. Vol. XVIII. № 3. P. 275–303.
- Geraci R.P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, N.Y., 2001.

- Gray P., Vakhtin, N., Schweitzer P.* Who Owns Siberian Ethnography? A Critical Assessment of a Re-internationalized Field // *Sibirica*. 2003. Vol. 3. № 2. P. 194–216.
- Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, N.Y., 2005.
- Howe J.E.* Pre-agricultural Society in Soviet Theory and Method // *Arctic anthropology*. 1976. Vol. 13. № 1. P. 84–115.
- Humphrey C.* Some Recent Developments in Ethnography in the USSR // *Man*. 1984. Vol. 19. P. 310–320.
- Khazanov A.M.* The Ethnic Situation in the Soviet Union as Reflected in Soviet Anthropology // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 213–222.
- Khazanov A.M.* Soviet Social Thought in the Period of Stagnation // *Philosophy of the Social Sciences*. 1992. Vol. 22. № 2. P. 231–237.
- Khazanov A.M.* After the USSR. Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison, 1995.
- Knight N.* Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia. PhD Diss. Columbia University, 1994.
- Knight N.* «Salvage biography» and useable pasts: Russian ethnographers confront the legacy of terror // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. № 2. P. 365–375.
- Kuklick H.* The Savage Within: The Social History of British Anthropology, 1885–1945. Cambridge, 1991.
- Longuet-Marx F.* La Pratique de l'Ethnologie en URSS (à partir d'exemple au Daghestan) // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 367–376.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N.Y., 2001.
- Olcott M.B.* Soviet Nationality Studies between Past and Future // *Orlovsky D.* (ed.) *Beyond Soviet Studies*. Washington, D.C., 1995. P. 135–148.
- Plotkin V.* Dual Models, Totalizing Ideology and Soviet Ethnography // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 235–242.
- Plotkin V., Howe J.E.* The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography // *Dialectical Anthropology*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 257–312.
- Popkin C.* Chekhov as Ethnographer: Epistemological Crisis on Sakhalin Island // *Slavic Review*. 1992. Vol. 1. P. 36–51.
- Prymak T.* Mykola Kostomarov and the East Slavic Ethnography in the 19th Century // *Russian History*. 1991. Vol. 18. № 2. P. 163–186.
- Rethmann P.* Chto Delat': Ethnography in the Post-Soviet Cultural Context // *American Anthropologist*. 1997. Vol. 99. № 4. P. 770–774.
- Rogers D.* Historical Anthropology Meets Soviet History // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 633–649.
- Schott R.* Das Geschichtsbild der sowjetischen Ethnographie // *Saeculum*. 1960. Vol. XI. № 1–2. P. 27–63.

- Shimkin D.B.* U.S.-USSR Intellectual Dialogues: Sociocultural Anthropology/ Ethnography // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. № 4. P. 692–697.
- Shimkin D.B.* Siberian Ethnography. A Current Assessment // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 317–326.
- Silverman S.* Totems and Teachers: Perspectives on the History of Anthropology. N.Y., 1981 (2nd edition: Oxford; New York, 2003).
- Skalnik P.* Community: the Struggle for a Key Concept in Soviet Ethnography // *Dialectical Anthropology*. 1981. Vol. 6. № 2. P. 183–191.
- Skalnik P.* Towards an understanding of Soviet *ethnos* theory // *South African Journal of Ethnology*. 1986. Vol. 9. P. 157–166.
- Skalnik P.* Union Soviétique — Afrique du Sud: les «Théories» de l'*ethnos* // *Cahiers d'Etude africaines*. 1988. Vol. 28. №.2. P. 157–176.
- Skalnik P.* Soviet *Etnografiia* and the National(ities) Question // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 183–192.
- Skalnik P.* Commentary to Tishkov's article «U.S. and Russian Anthropology» // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39. № 1. P. 10.
- Skalnik P.* (ed.) *Sociocultural Anthropology at the Turn of the Century: Voices from the Periphery*. Prague, 2001.
- Skalnik P.* (ed.) *A Post-Communist Millennium: The Struggles for Sociocultural Anthropology in Central and Eastern Europe*. Prague, 2002.
- Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–38 // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. P. 476–484.
- Slezkine Y.* From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far North // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51. № 1. P. 52–76.
- Slezkine Y.* *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, NY, 1994a.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994b. Vol. 53. № 2. Summer. P. 414–452.
- Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Representations*. 1994c. Vol. 2. P. 170–195.
- Sorlin I.* Aux Origines des l'Études typologiques et historiques du Folklore: L'Institut de linguistique de N.Ja. Marr et le jeune Propp // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI. № 2–3. P. 275–284.
- Ssorin-Chaikov N.* Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // Kuklick H. (ed.) *A New History of Anthropology*. Oxford, 2007. P. 191–206.
- Stocking G.W.* *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison, 1992.
- Takakura H.* Indigenous Intellectuals and Suppressed Russian Anthropology: Sakha Ethnography from the End of the Nineteenth Century to the 1930s // *Current Anthropology*. 2006. Vol. 47. № 6. P. 1009–1016.
- Tishkov V.* The Crisis in Soviet Ethnography // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33. № 4. P. 371–382.

- Tishkov V.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39. № 1. P. 1–7; Reply to Comments P. 14–16.
- Van Meurs W.* Ethnographie in der UdSSR: Jäger oder Sammler? // Binder B., Niedermüller P. (eds.) *Inszenierung des Nationalen*. Berlin 2000. P. 107–135 (перевод: Вим ван Мейрс. Советская этнография: охотники или собиратели? // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 9–42).
- Verdery K.* Comment // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33. № 4. P. 392–393.
- Vitebsky P.* Rethinking Soviet Anthropology? // *Anthropology Today*. 1989. Vol. 5. № 5. P. 23–24.
- Vucinich A.* *Theoretical Problems of Soviet Ethnography* // *The State of Soviet Science*. Cambridge Mass., 1965. P. 173–185.